

Остарбайтеры белорусско- российского пограничья: условия жизни и труда в Германии и Прибалтике (1941—1944)

Е. Е. Красноженова, Е. А. Гребень

Аннотация. Особое место среди преступлений нацизма на территории Северо-Запада России и Беларуси, где оккупация была наиболее продолжительной, занимает насильственный угон населения в Германию. Статья посвящена анализу нацистской политики в области использования труда советских граждан на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве Германии. Исследование основано на архивных материалах и воспоминаниях жителей пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, принудительно угнанных нацистами в Германию и Прибалтику в годы оккупации. Авторами рассматриваются условия жизни и труда в Германии гражданского населения белорусско-российского пограничья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, Витебская область, пограничье, германская оккупация, восточные рабочие, принудительный труд, воспоминания.

Abstract. A special place among the crimes of Nazism in the North-West of Russia and Belarus, where the occupation was the longest, is occupied by the forcible hijacking of the population to Germany. The article is devoted to the analysis of the Nazi policy in the field of the use of Soviet citizens' labor at industrial enterprises and in agriculture in Germany. The research is based on archival materials and memoirs of residents of the border territory of the North-West of Russia and Belarus, forcibly abducted by the Nazis to Germany and the Baltic States during the occupation. The article examines the living and working conditions of the civilian population of the Belarusian-Russian border area in Germany.

Key words: The Great Patriotic war, the North-West, Vitebsk region, the border, the German occupation, eastern workers, forced labor, memories.

Проблема принудительного труда советских граждан, вывезенных нацистами в Германию в годы Великой Отечественной войны, нашла отражение в современной российской и белорусской историографии. Предметом исследования историков являются особенности оккупационной

Красноженова Елена Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: eleena@inbox.ru; *Гребень Евгений Александрович* — кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный аграрный технический университет. E-mail: greben.evgenij@gmail.com.

Krasnozhenova Elena E. — Dr. of sciences (history), professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: eleena@inbox.ru; *Greben Evgeny A.* — PhD (History), Belarusian State Agrarian Technical University. E-mail: greben.evgenij@gmail.com.

политики и преступления нацизма на рассматриваемой территории ¹. Изданы сборники документов, опубликованы фундаментальные монографии, иллюстрирующие различные аспекты нацистской политики в области вербовки гражданского населения оккупированных территорий СССР в Германию, а также показывающие положение оstarбайтеров в рейхе ². Как правило, акцент в исследованиях делается на архивные документы, проблема принудительного труда рассматривается в масштабах всех оккупированных территорий СССР или БССР. В то же время применительно к региональному уровню, в частности на территории белорусско-российского пограничья, проблема принудительного труда советских граждан в Германии имеет дальнейший потенциал для исследования.

Массовая мобилизация немецких рабочих и крестьян в ряды вермахта и в иные формирования нацистской Германии привела к нехватке рабочих рук в немецкой экономике, и на протяжении всей Второй мировой войны дефицит рабочей силы только усиливался. По этой причине германские власти уже в первые годы войны стали практиковать привлечение рабочей силы из оккупированных стран Европы в качестве замены ушедших на фронт немцев.

С начала 1942 г. нацисты начали проводить в оккупированных районах вербовку добровольцев для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве в Германии и прибалтийских республиках. Добровольцев нашлось немного, да и те зачастую разбежались по пути следования к месту назначения. Поэтому весной 1942 г. была начата принудительная мобилизация рабочей силы с оккупированных территорий Советского Союза. Каждая оккупационная административно-территориальная единица получала ежемесячные квоты поставки оstarбайтеров, которых доставляли с помощью административных мер (рассылка повесток через руководителей предприятий и глав местной администрации), а также с применением силы (под конвоем полиции). Гражданские оккупационные ведомства требовали от руководства силовых структур нацистов, чтобы в ходе карательных операций местное население отправлялось в Германию, а не уничтожалось тотально, как это зачастую происходило.

Так, в сентябре 1941 г. командующим I немецкой авиаполевой дивизией генерал-майором Вильке был издан приказ о принудительной эвакуации в немецкий тыл всего населения Новгорода и Новгородского района. Массовая эвакуация была проведена в октябре-ноябре 1943 г. Неподчинение этому приказу влекло за собой расстрел, изъятие имущества и уничтожение целых селений. Опрошенный пленный унтер-офицер полевой жандармерии Ионда Виктор показал, что в составе сопровождаемых им эшелонов лиц, добровольно выехавших в Германию, не было ³.

В результате насильственного угона населения в Германию в момент освобождения Новгорода от оккупантов в нем не оказалось ни одного жителя. Только через несколько дней в город прибыли вышедшие из лесов 30 чел. ⁴ Из Кингисеппского района Ленинградской области было насильно угнано в Германию более 18 тыс. жителей ⁵, из Батецкого района — около 16 тыс. ⁶ С территории Ленинградской области в период ее оккупации немецко-фашистскими захватчиками было насильно вывезено в Германию 404 230 мирных граждан ⁷.

По сообщению Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), из Освейского района Витебской области оккупанты угнали в Германию 2 615 чел.⁸ Путем облав в населенных пунктах Дисненского района Белорусской ССР было схвачено и вывезено в фашистское рабство около 8 тыс. чел., из них 3 815 мужчин и 4 185 женщин⁹. В сведениях СНК БССР указывалось 68 434 чел., угнанных на принудительные работы из Витебской области. Из них вернулось на родину только 20 793¹⁰.

В Германии прибывших регистрировали, мыли, кормили баландой, присваивали номер и делали нашивки «OST», после чего распределяли по машиностроительным, медеплавильным, авиационным, текстильным и другим заводам и фабрикам, а также имениям помещиков. Работали юноши и девушки чернорабочими, грузчиками, токарями, скотниками, сборщиками урожая и прислужгой по 12 часов в сутки, из питания получали, в зависимости от места работы, от 200 до 400 г хлеба и порцию супа, ночевали в обнесенных колючей проволокой лагерях, бараках при заводах и фабриках или в отведенных помещиками комнатах. Людей возили целыми семьями, с малолетними детьми и подростками.

Масштабы нацистской оккупационной политики в области принудительной эвакуации в Германию гражданского населения белорусско-российского пограничья иллюстрируют ответы заведующих военными отделами райкомов ВКП(б) на запросы военнотружущих о судьбах своих родных. Так, военнотружущий И. Ф. Афанасьев получил следующий ответ на свое письмо секретарю Демянского райкома ВКП(б): «Дорогой тов. Афанасьев! Фашистские разбойники угнали полностью население д. Савкино. Судьба вашей семьи неизвестна. В Демянском районе их нет»¹¹.

Нацисты жестоко расправлялись со всеми, кто отказывался от эвакуации. Так, 27 февраля 1944 г. за отказ от отправки в Германию карательные отряды сожгли в своих домах 180 жителей дер. Пикалиха Псковского района Ленинградской области¹². Спасалось в лесах от угона в Германию и население дер. Глумицы Волосовского района. В ней оставались только старики и дети. Не найдя трудоспособного населения, оккупанты учинили над ними жесткую расправу¹³.

Значительная часть населения белорусско-российского пограничья в годы оккупации проживала в сельской местности, и в их воспоминаниях предстает несколько иная картина угона в Германию, нежели та, которую дают архивные документы, иллюстрирующие мобилизацию оstarбайтеров из городов и подконтрольных оккупантам регионов. Так, сама постановка вопроса в ходе интервью, была ли какая-то агитация в пользу поездки в Германию, вызывает удивление и неприятие. Также информанты из пограничных районов практически не упоминают о возможности переписки с родными, хотя теоретически оstarбайтеры имели право дважды в месяц посылать домой открытки (последние не являются редкостью среди документов оккупационного периода, хранящихся в архивах Беларуси и городов Северо-Запада России).

Наличие в белорусско-российском пограничье крупных лесных массивов, в которых активно действовали многочисленные партизаны, обусловило проведение немцами перманентных акций пaцификации, поэтому значительная часть оstarбайтеров белорусско-российского пограничья доставлялась в Германию в результате антипартизанских акций.

Немцы схватили первых попавшихся жителей дер. Крюково Гдовского района Ленинградской области и увезли на пункт для отправки в Германию¹⁴. Для поиска и уничтожения небольших партизанских отрядов нацистами создавались ягдкоманды («охотничьи отряды»), которые являлись специальными подразделениями абвера для охраны тыла вермахта от разведывательных и диверсионных групп. Так, житель дер. Дубровка Новгородского района Ленинградской области Матвеев отмечал, что перед угоном населения в Германию в деревню прибыл немецкий карательный отряд, который конвоировал жителей к месту отправки. Д.Ф. Кузнецов был опрошен в качестве свидетеля комиссией ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их испанских сообщников на территории Великого Новгорода и Новгородского района в период оккупации: «В нашей деревне — Малое Подосенье — было 140 чел., осталось только шесть, все остальные угнаны немцами. Многие жители уходили в лес. Тогда немцы высылали специальные отряды, которые имели собак, и с собаками ловили людей по лесу»¹⁵. За уклонение от отправки на принудительные работы в Германию был расстрелян житель совхоза «Заверяжские покосы» А.М. Антохин, заживо сожжена в лесной землянке бывшая воспитательница новгородского детского сада У.С. Грызина¹⁶.

Партизаны оказывали местным жителям помощь в эвакуации за линию фронта. Однако часто последние обнаруживались карателями¹⁷. Семья жительницы Россонского района О.И. Лебедевой и ее односельчане были захвачены в лесу около дер. Ровное Поле, откуда людей гнали пешком до Клястиц (только маленьких детей посадили на подводы), где несколько дней они пробыли в сборном лагере, далее отправлены в Себеж, а оттуда поездом в Эстонию¹⁸. Жительница дер. Савин Дуб Лепельского района Г.Н. Буйницкая вспоминала, что после захвата группы гражданских лиц в лесу была произведена фильтрация. Бургомистр (или сельский староста) сообщил, что она является женой партизана. Членов партизанских семей повезли в г. Витебск и далее поездом (информант использует традиционное обозначение вагонов для перевозки остарбайтеров — «телятник») отправили в концентрационный лагерь Освенцим (позднее — в какой-то другой). Г.Н. Буйницкая описывает процесс дезинфекции узников, лагерную полосатую одежду, нанесение тушью личного номера узника на руку. Лагерные будни были крайне тяжелыми: ранний подъем, переключка узников, чесотка, сожжение больных и умерших в крематории, работа (долбили кирками мерзлую землю). В бараке находилось до 50 чел. На 12 узников выдавалась полуторакилограммовая булка хлеба и каждому по кружке супа из брюквы. В лагере с информантом была дочка в возрасте чуть более года, которая через два месяца заболела (по мнению матери, из-за отравленного супа), была изъята у матери и умерла¹⁹.

Необычным образом в Германию попала П.И. Гиль, жительница дер. Теляки Поставского района. По ее словам, на сборный пункт в дер. Гадутишки ее отвела мачеха с согласия отца. Некоторое время мобилизованные размещались в здании костела, после чего поездом были отправлены в Белосток, где некоторое время находились в лагере. Далее женщина попала в крестьянское хозяйство (немецкие крестьяне выбирали понравившихся рабочих)²⁰. Взятые в лесу советские граждане практически не имели с собой продуктов, угонялись в той одежде, что была на них в тот

момент. В пути оstarбайтеров, как правило, не кормили, поэтому приходилось просить еду во время стоянок эшелонов ²¹.

Также в Германию эвакуировали рабочих, занятых на оккупированной территории. Так, В.Я. Васильев, житель дер. Островские Витебского района, сообщает, что его и односельчан собрала местная полиция. Люди были отправлены на строительство дороги под г. Витебском, а потом автомобилями вывезены на территорию Польши и далее в лагерь в районе Кёнигсберга ²².

Распространенной практикой являлся угон гражданского населения из оставляемых вермахтом районов. Приказ германского верховного командования предписывал частям вермахта при отходе сжигать дома, приводить в негодность колодцы, уничтожать любые запасы, разрушать мосты и минировать дороги. Гражданское население вывозилось на Запад.

В феврале 1944 г. немецко-фашистскими войсками перед отступлением была полностью сожжена дер. Чолово Череманского сельсовета Оредежского района, а население в количестве 273 чел. угнано в немецкое рабство ²³. Сельских жителей принуждали оставлять свои дома и переселяли на подконтрольные немцам территории на западе Витебской области или же отправляли на работу на предприятия или в крестьянские хозяйства в Литву, Латвию, Эстонию, Польшу и Германию ²⁴. «Когда нас загоняли в товарные вагоны, началась сильная бомбежка. Все вокруг грохотало и горело. Настоящий ад! Поезд, однако, тронулся. Я не помню, сколько дней нас везли, но бомбили всю дорогу. Люди кричали от страха, плакали дети, но спрятаться в битком набитых вагонах за запертыми дверьми было некуда», — вспоминала жительница Чудовского района Ленинградской области А.А. Ремизова (Фёдорова) ²⁵.

Нередко жители оккупированных территорий какое-то время находились в лагерях, прежде чем их отправляли работать в крестьянские хозяйства. Пересыльные лагеря представляли собой огороженное колючей проволокой пространство, на котором либо вообще не было построек, либо были расположены специально возведенные бараки, иногда заброшенные помещения, такие как школа, церковь и т.п. На оккупированной территории постоянно был недостаток транспортных средств, поэтому сгруппированные в колонны люди часто вынуждены были проходить десятки километров пешком. Так, семья З.И. Дединкиной, жительницы дер. Малые Трубачи Витебского района, несмотря на то что ее муж был сельским старостой, была захвачена в лесу во время карательной операции, направлена сначала в концентрационный лагерь «5-й полк» в г. Витебске, оттуда — в лагерь, расположенный в районе Мюнхена. В лагере узники подверглись санитарной обработке, жили в бараках; на работу их не отправляли. Рацион питания состоял из «баланды» (редька и суп из концентрата). С апреля 1943 г. семья З.И. Дединкиной работала у немецкого крестьянина ²⁶.

Условия жизни оstarбайтеров в Германии и оккупированных нацистами странах Европы зависели от того, куда именно попадал конкретный человек (или семья целиком). Согласно воспоминаниям очевидцев, можно констатировать, что несколько легче было в крестьянских хозяйствах. В них, естественно, приходилось напряженно трудиться, но бытовые условия и питание были намного лучше, чем в трудовых лагерях при

промышленных предприятиях или в концентрационных лагерях. Это был хоть и тяжелый, но привычный для крестьян труд. Иногда встречалось достаточно лояльное отношение немецких землевладельцев к восточным рабочим, но это было скорее исключением из общей тенденции использования их труда в Германии.

В качестве примера лояльного отношения немецкого хозяина к своим рабочим можно привести рассказ упомянутой выше З.И. Дединкиной. Кроме их семьи, в хозяйстве трудился оstarбайтер с Украины. Работники обедали за одним столом с хозяевами, что практиковалось не часто, питались хорошо, получали 80 марок в месяц. Информанту приходилось прясть, вязать, выполнять полевые работы, по выходным можно было гулять, ходили в соседние деревни, нашивки на одежде (знак «Оst») не носили, но знали, что фабричные рабочие их имели. После освобождения региона американскими войсками немецкие хозяева уговаривали их остаться в Германии ²⁷.

Упомянутой ранее жительнице дер. Теляки Поставского района П.И. Гиль посчастливилось вместе с дядей и другими односельчанами попасть в одно хозяйство. Немца-хозяина она характеризует следующим образом: «Не сказать, что плохой сильно». Ее обязанности состояли из ухода за скотом, уборки урожая, вывоза навоза. Хозяин будил утром, стучал в окно дома, где жили рабочие. Время для отдыха было только в воскресенье после обеда. Кормили пять раз в день, но не очень обильно: суп, кусочек хлеба, чай из свеклы, шпинат, который воспринимался негативно («как сварят шпинат, так мы и голодные»). Питались на кухне отдельно от немцев ²⁸. П.И. Гиль характеризует бытовые условия как удовлетворительные. Иностранцы размещались в одном из трех принадлежавших хозяину домов. Не упоминает документы (карта оstarбайтера), но помнит нашивки на одежде: знаки «OST» для оstarбайтеров и «P» для поляков. Информант отмечает трудности в коммуникации с немцем-хозяином, чьи приказы понимались не сразу, но пришлось быстро учиться. Приходилось ухаживать за скотом (доение коров), выполнять работы по дому (мытьё посуды). Очевидец подтверждает наличие заработной платы, затрудняясь, правда, конкретизировать размер, но при этом не придает этому значения, поскольку что-либо купить не было возможности. Исключение составляли только мужчины, которые имели возможность купить пиво ²⁹.

С крайне тяжелыми условиями жизни и труда в сельском хозяйстве столкнулся Ф.Т. Тимофеев, житель дер. Жили Батецкого района Ленинградской области: «17—19 декабря 1943 года в нашу деревню Жили пришел карательный немецкий отряд с пулеметами, в каждый дом по несколько человек. Приказали собираться на эвакуацию и 20 декабря 1943 года подали подводы и увезли всех жителей нашей деревни в количестве 73 человек, в том числе и меня, Тимофеева, с семьей, на ст. Батецкая, где погрузили в товарные вагоны вместе со скотом и повезли. Привезли нас в Латвию, где мы проходили карантин голодные и холодные. Приходили немецкие богачи, отбирали себе семьи и увозили к себе на работу. Я, например, жил у богатого помещика в Латвии, работал за кусок хлеба, жил в бане» ³⁰.

Иная картина жизни оstarбайтеров предстает в воспоминаниях информантов, трудившихся в промышленности. Так, О.С. Васюточкина,

проживавшая в пос. Понтонном Слуцкого района Ленинградской области, была угнана на работу в качестве чернорабочей на металлическую фабрику в чехословацкий город Цвиттау: «Работала по 10 часов в день, оплачивали в 1 час 40 пфеннигов. Питание общее лагерное, плохое, скудное. Жили в лагере в общежитии с 2-этажными кроватями. Снабжения никакого не имели. В баню ходили на свой счет... Молодая здоровая немка 20 лет, имя и фамилию не помню, заставляла меня носить тяжести, которые были не по силам мне и по моим годам. Всячески притесняла»³¹. М. А. Андреев проживал в Псковском округе Ленинградской области. В ноябре 1943 г. был угнан сначала в Литовскую ССР, а затем направлен в Германию, в г. Хербурхаузен, где работал на военной фабрике. «Из деревни Погост до станции Локня ехали поездом по узкоколейной железной дороге, а на станции Локня полным эшелонами были направлены дальше. Везли в товарных вагонах по 50—60 человек в вагоне. Эшелон сопровождал немецкий конвой, продуктами почти не обеспечивались. За весь путь следования только выдали 2 раза хлеба по 200 г на человека. Через две недели привезли на станцию Гудюны Литовской ССР. Прожив три месяца в Литовской ССР, был направлен на работу в Германию». Работал М. А. Андреев простым рабочим по 13—14 часов в сутки, а иногда и круглые сутки, также его заставляли делать другую работу, например рыть землю. Платили 12—13 марок в месяц. Хлеба выдавали по 200 г в день и два раза в день суп из брюквы, шпината и др. Жили в неотапливаемом бараке. Обувью и одеждой не обеспечивали, кроме деревянных колодок. Фабрика вместе с лагерем была обнесена проволокой, откуда не выпускали, на другую работу гоняли строем под конвоем. «За брак в работе от мастера Штайн получил два раза побои рукой по лицу. Во время возвращения с работы один русский рабочий хотел передать мне хлеба, но полицейский заметил, хлеб отобрал, а меня ударил резиновой плетью через голову раз пять»³².

Жительница дер. Переслега Поставского района Я. И. Лукашевич была отправлена в Германию в ходе карательной экспедиции, работала на фабрике, занималась чисткой рыбы. Рацион описывает следующим образом: «Когда дадут есть, когда голодные были. (...) Какой суп давали, и то немножко дадут. (...) Хлеба кусочек маленький дадут». Информант сообщает, что ходила в той же одежде, в какой была угнана; на одежду был пришит знак «Ост»³³. Жительница дер. Пышно Лепельского района Н. В. Васильева попала в руки немцев в ходе карательной операции. Обнаруженное в лесу гражданское население было отправлено в лагерь в г. Лепель на территории военного городка. Узники содержались под охраной полицейских (кому-то удалось договориться с ними и бежать) в антисанитарных условиях. Затем молодежь стали отбирать на работу в Германию, партизанские семьи планировалось отправлять, по данным информанта, в Освенцим. Некоторые члены семей партизан по подсказке полицейских вызвались добровольно ехать на работу в Германию и тем самым спаслись от отправки в концлагерь, получив шанс сохранить жизнь. Информант подчеркивает, что трудовой лагерь, в который они попали, это «все-таки не Освенцим». Рацион описывает следующим образом: «Утром стакан кофе без молока, без сахара. Выпьешь — пошел на работу. В обед дают чашку супа. На ужин опять стакан кофе и 100 грам-

мов хлеба». После полугода нахождения в лагере информант и трое девушек договорились бежать, но были пойманы через два дня и отправлены работать в другое место (занимались стиркой и глажкой одежды). Вдвоем решили бежать повторно, через несколько дней блужданий наткнулись на полицейских с собакой, но шел дождь, и собака след не взяла. Голод вынудил беглянок выйти на дорогу и просить проезжавшего на подводе крестьянина отвезти их в полицию. Там девушки заявили, что отстали от поезда, поэтому не были наказаны за побег, а определены в крестьянское хозяйство, где проработали до освобождения американскими войсками, после чего были переданы в советскую зону оккупации ³⁴.

Часть жителей белорусско-российского пограничья попало в Германию в детском возрасте, и все время, что семья находилась там, дети были предоставлены сами себе, пока родители работали на предприятии. Так, жительница дер. Селявщина Россонского района Н. И. Рубашенко описывает пребывание в лагере следующим образом: «У нас был такой барак. Двухспальные кровати были. Мы, дети, внизу спали, а старшие наверху спали. Там много нас было. (...) Сидели дома, что мы могли делать?» ³⁵

Но предоставлены сами себе были исключительно маленькие, нетрудоспособные дети. Жительница Россонского района О. И. Лебедева, попавшая в подростковом возрасте в трудовой лагерь при торфяном заводе на территории Эстонии, вспоминает, что мужчин отправили в карьер резать торф, а несовершеннолетние узники катали вагонетки, грузили вагоны на станции. Характеризуя рацион, информант оперирует стандартным определением «баланда» ³⁶.

О тяжелом положении в гитлеровской Германии можно судить из писем угнанных советских граждан. Жительница Железнодорожного района г. Витебска А. Юпатова писала своим родителям 4 февраля 1944 г.: «Дорогие родители, вы не представляете, как я переносила разлуку и переносу. Недаром бежала отсюда, только чтобы к вам, сколько слез и печали, сколько бессонных ночей, ну что же — и вот я снова у Отто Бауэра». Писать можно было только на открытках, которые тщательно проверялись цензурой, и в них нельзя было сообщать негативные сведения о жизни в Германии, поэтому приходилось прибегать к иносказательной форме: «Живу я почти так, как и писала Вам раньше, и дальше», «Какие мы все несчастные», «Я бы написала больше, но нельзя — сами знаете» ³⁷.

Рабский труд в пользу врага имел следствием психологическую травму на всю оставшуюся жизнь. Например, Г. Н. Буйницкая, угнанная в Германию из Лепельского района, сообщает, что немецкая речь вызывала отвращение, по отношению к немцам после войны испытывала чувство ненависти ³⁸. Схожим образом оценивает свое отношение к немцам и жительница дер. Стайск Лепельского района А. И. Стельмах: «Я не могу на них смотреть... Меня злость берет. Я вот посмотрю, дружат так, в эту Германию едут. (...) Конечно, молодежь, может, и не виновата...» ³⁹

Таким образом, наиболее тяжелые условия жизни ожидали советских граждан, содержащихся в трудовых лагерях при промышленных предприятиях Германии. Положение остарбайтеров, работавших в крестьянских хозяйствах, было ощутимо лучше, но при этом зависело от личности конкретного хозяина-землевладельца. Специфика пограничных районов определялась наличием крупных лесных массивов, а значит, и обширных

партизанских зон, где нацисты систематически устраивали карательные операции. Анализ воспоминаний жителей белорусско-российского пограничья показывает, что в основном мирные граждане были принудительно вывезены на работу в Германию в ходе карательных акций нацистов. В ряде случаев для местных жителей, связанных с партизанами, согласие на поездку в Германию было способом спастись от немедленного уничтожения или отправки в лагерь смерти. Угон гражданского населения на принудительные работы явился одним из тяжелейших преступлений нацизма, осужденным Нюрнбергским процессом над военными преступниками.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20—59—00004; № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России в 1941—1944 гг.».

The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20—59—00004; number Г20Р-287 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944».

1. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КУЛИК С.В. Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 — февраль 1943 г.). — Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4, с. 841—853; KRASNOZHENOVA E.E., KULIK S. V. The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941—1945 (on the Materials of the Lower Volga Region). — IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2019, 272(3), art. no. 032168; KRASNOZHENOVA E.E., KARABUSHCHENKO P.L., POLIKOVA M. V. Military everyday life in decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941—1945). — Voprosy Istorii. 2019. № 3, p. 175—181; ГАВРИЛОВА О.А., ХОДЯКОВ М.В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941—1943 гг. — Новейшая история России. 2016. № 2 (16), с. 44—67; СОБОЛЕВ Г.Л., ХОДЯКОВ М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. — Новейшая история России. 2016. № 1 (15), с. 8—21.
2. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941—1944): Док-ты и м-лы: В 2 кн. / Сост.: Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. Минск. 1996. Кн. 1 (1941—1942); Там же. 1997. Кн. 2 (1943—1944); Белорусские оstarбайтеры: Ист.-аналит. исследование / Г.Д. Кнатько и др.; Под ред. Г.Д. Кнатько. Минск. 2003; ПОЛЯН П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. 2002; Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941—1944 гг. / А.М. Літвін, Я.А. Грэбень, С.Я. Новікаў; Агул. рэд. А.М. Літвіна; Пер. В.А. Лойка, С.П. Паўлавіцкі. Мінск. 2010.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-7021, оп. 34, д. 367, л. 12.
4. Там же, л. 13.
5. Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (ЛОГАВ), ф. Р-1907, оп. 1, д. 60а, л. 14—17.
6. ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 34, д. 347, л. 9—10.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. Р 8557, оп. 6, д. 1116, л. 1—35.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 1450, оп. 1, д. 14, л. 40—44.
9. Там же, ф. 1569, оп. 1, д. 215, л. 1в-1д.
10. Там же, ф. 4п, оп. 29, д. 311, л. 114.
11. Государственный архив новейшей истории Новгородской области, ф. 99, оп. 3, д. 22, л. 34.
12. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 82, оп. 2, д. 894, л. 5—6.

13. ЛОГАВ, ф. Р-1249, оп. 1, д. 169, л. 83—84.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. Р-116 Л, оп. 2, д. 34.
15. ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 34, д. 367, л. 12.
16. Там же.
17. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, записаны 12 мая 2019 г. в дер. Селявщина Россонского района; аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
18. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, записаны 12 мая 2019 г. в дер. Шалашники Россонского района; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
19. Воспоминания Буйницкой Галины Никифоровны, записаны 9 июля 2009 г. в дер. Савин Дуб Лепельского района; аудиозапись (1 час 12 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
20. Воспоминания Гиль Прасковьи Ильиничны, записаны 13 августа 2017 г. в дер. Теляки Поставского района; аудиозапись (46 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
21. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны.
22. Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, записаны 4 июля 2009 г. в дер. Островские Витебского района; аудиозапись (54 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
23. ЛОГАВ, ф. Р-351, оп. 1, д. 148, л. 40.
24. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны.
25. ИВАНОВА И. А. За блокадным кольцом: Воспоминания. СПб. 2010, с. 129.
26. Воспоминания Дединкиной Зинаиды Ермолаевны, записаны 24 августа 2009 г. в дер. Малые Трубачи Витебского района; аудиозапись (1 час 21 минут на русском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
27. Там же.
28. Воспоминания Гиль Прасковьи Ильиничны.
29. Там же.
30. Государственный архив Новгородской области, ф. Р-1793, оп. 1, д. 7, л. 107.
31. ЛОГАВ, ф. Р-931, оп. 1, д. 44, л. 101—102об.
32. Государственный архив Псковской области, ф. Р-1691, оп. 1, д. 1435, л. 16—17об.
33. Воспоминания Лукашевич Ядвиги Иосифовны, записаны 7 октября 2017 г. в дер. Перслега Поставского района; аудиозапись (22 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
34. Воспоминания Василевской Надежды Васильевны, записаны 9 июля 2009 г. в дер. Пышно Лепельского района; аудиозапись (46 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
35. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны.
36. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны.
37. НАРБ, ф. 861, оп. 1, д. 5, л. 15—19.
38. Воспоминания Буйницкой Галины Никифоровны.
39. Воспоминания Стельмах Анны Иосифовны, записаны 20 сентября 2011 г. в дер. Стайск Лепельского района; аудиозапись (29 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.